

В. МАЯКОВСКИЙ:

Я РАДУЮСЬ МАРШУ, КОТОРЫМ ИДЕМ...

Лев НИКУЛИН

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Мы отмечаем 70-летие со дня рождения Маяковского. Казалось бы, так много уже написано о поэте и его творчестве, что трудно сказать еще что-то о Маяковском. Но вот наступили эти дни, и заново переживаешь время, когда Маяковский был с нами и жил среди нас.

Кому приходилось путешествовать в горах, тот помнит удивительное впечатление — стоишь у подножия горы и не осознаешь ее высоту и громадность; отойдешь, и чем дальше гора, тем она кажется выше, огромнее, — только тогда видишь ее во всем величии.

Мы, жившие рядом, близки Владимиру Маяковскому, даже те, кто и в годы его молодости оценил его талант, все-таки не осознавали полностью силу и значение поэта революции, поэта-новатора. Чем больше проходит времени, тем выше, значительней, грандиозней для нас его творения и он сам во всем своем образе и мощи его таланта.

В 1913 году я впервые узнал Маяковского, сначала его стихи. В стихах была новая, грубо высеченная, как из гранита, форма и мысль.

Помню, какое буквально ошеломляющее впечатление произвели на нас строки:

А вы
ноктюра сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?
Потом я познакомился с самим Маяковским. При первом знакомстве заметил, что он был как-то насторожен, готов к отпору, видимо, он всегда готов был защищать себя как поэта. Но он увидел во мне своего почитателя, мы очень быстро

нашли товарищеский тон, и с тех пор, семнадцать лет, отношения оставались самыми доброжелательными. Это не была дружба, которая рождается в длительном общении, это было доброе знакомство, частые встречи и беседы в Москве, и в Крыму, и за рубежом, в Париже.

Для меня, как, впрочем, и для других, не было удивительным то, что Маяковский в дни октября 1917 года сказал: «Моя революция» и отдал свой стих на вооружение социалистической революции.

Мы знали его революционную юность и то, что он извлек царскую тюрьму.

Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские
тюрьмы.

Сто томов
партийных книжек

Может показаться неожиданным, что у Маяковского сохранились внушительный по числу документов архив. Мы привыкли думать, что поэт находил свои ритмы и оттачивал свои темы «на ходу».

Между тем с двадцать шестого года в его личном архиве было семидесять две записные книжки, двести шестьдесят две творческие рукописи, более пятисот различных документов, свидетельствующих о его разнообразной общественной и литературной работе, четыре тысячи шестьсот восемьдесят записок, которые он собрал на своих выступлениях, и многое другое.

В статье «Окна сатиры РОСТА» Маяковский предсказывал, что «через годы над этими окнами будут корпеть ученые, охраняя от времени скверную бумагу». Он призвал разыскивать и собирать документы недавней революционной эпохи.

Литературное наследство В. Маяковского — теперь государственное достояние, оно хранится в основном в Государственной библиотеке-музее его имени.

Сто тысяч карточек в библиографическом кабинете указывают на такой массовый интерес к творчеству Маяковского, что казалось бы, невозможны белые пятна и неразгаданные тайны в его архиве. Но это не совсем так: исследователям, коллекционерам, энтузиастам, сотрудникам музея — всем хватит работы.

Главное сейчас — розыск документов. Из творческих рукописей доктарского периода уцелело всего восемь автографов! Но и делшие тоже велики проблемы. До сих пор не найдены ленты его кинематографа «Денег ради», «Законная фильмой». Мало собрано писем поэта.

По всей стране разосланы книги с автографами Маяковского. В фондах музея их всего семидесять девять. Недавно из Калифорнии к нам прибыла зеленая книжечка «Мое открытие Америки». Поверх портрета автора широким знакомым почерком идет надпись: «Тов. Адельсон Вл. Маяковский». У нас это единственная дарственная надпись на книге, связанная с пребыванием Маяковского в Америке.

Между тем такие автографы на книгах открывают подчас интересные биографические факты и творческие связи поэта. Вот, например, сборник стихотворений одного из крупнейших современных поэтов Америки Карла Сэндберга «Дым и сталь». Он издан в Нью-Йорке и привезен Маяковским из своей поездки за океан.

Даже из маяковедов мало кто знает, что на третьей и четвертой страницах сборника его рукой карандашом сделан подстрочный перевод многих слов. Это подлинная находка.

А сколько таких найденных бесценных автографов в Париже, Берлине, Праге, Варшаве, сколько их у нас!

Ю. ШВЕДОВА,
заведующая отделом
фондов библиотеки-музея
В. В. Маяковского.

Он горячо верил в грядущую революцию. Он предсказывал ее приход, в нетерпении он только на год опередил то, что свершилось в октябре 1917-го:

Где глаз людей обрывается
главы голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

В годы первой мировой войны я вижу Маяковского — солдата автомобильной роты. Уже написано «Облако в штанах», но еще не создана «Позтохроника» — «Революция». Слышу уже не в первый раз его неповторимый, бархатный, парадный голос. Он читает «Облако», а в первом ряду сидят полицейский пристав и прерывает поэта, когда он пытается прочитать строфы, не разрешенные цензурой.

А потом я слушаю «Революцию», которую Маяковский читает с огромным подъемом красногвардейцам, революционным солдатам, случайно, а может быть, не случайно (узнали от товарищей), заглянувшим в Настасьинский переулок на Тверской в «Кафе поэтов».

Из этой поэтической норки он выходит на простор, на улицы, на площади. Перед Московским Советом, у подножия монумента Свободы, Маяковский читает стихи памяти убитого белогвардейцами советского посла Вацлава Воровского:

Пусть
смерть товарища
сегодня
подчеркнет бессмертье
дела коммунизма.

По всей площади гремел гневный голос поэта, десятки тысяч москвичей слышали эти стихи.

Понистое это был поэт, «революцией мобилизованный и призывный».

Вместе с советским народом он прошел трудный и победный путь — гражданскую войну, восстановительный период, первые годы пятилетки.

Не все понимали значение его поэтического труда. Маяковскому приходилось спорить, доказывать значение своих политических стихов, а все его стихи были пронизаны политикой, советским патриотизмом, страстью, боевым задором. Не могу не вспомнить печальный факт, что знаменитые «Стихи о советском паспорте» были напечатаны только после смерти поэта.

Много раз слушал Маяковского, но особо запомнилось мне чтение поэмы «Владимир Ильич Ленин».

Первую Маяковский читал в 1920 году, в голодную зиму, когда молодая республика героически отражала нападение белогвардейцев и интервентов. Поэт выступал в «Клубе поэтов». Мне запомнилось, что в небольшом, тесном зале на Тверской Маяковский слушали не только ценители поэзии, но и красноармейцы из штаба конвойных.

В эти дни в московских клубах, дворцах культуры, библиотеках проходили вечера, посвященные жизни и творчеству Владимира Владимировича Маяковского.

«Маяковский с нами» — так называл цикл выступлений писателей накануне 70-летия со дня рождения великого советского поэта. На этих вечерах, которые проходили в парках столицы, в читальне Дома союзов, выступали поэты, прозаики, критики. Они читали стихи поэта революции, собственные произведения, посвященные ему.

В преддверии знаменитой даты в столице открыты постоянные и передвижные выставки, рассказывающие о В. В. Маяковском.

На площади Маяковского

Как сказано когда-то
Маяковским:
Здесь вьются дома коммуны
проросли!
И вот с бесстранным паспортом
московским
Стоит он в центре солнечной
земли.

Писал он редко про весну, про осень.
Не про цветы писал, а про
фронты.
А вот теперь Москва ему
присосит
Душистые июльские цветы!..

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Писал он редко про весну, про осень.
Не про цветы писал, а про
фронты.
А вот теперь Москва ему
присосит
Душистые июльские цветы!..

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Игорь КОВЗЕВ

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

войск, который помещался в верхнем этаже того же дома.

Она сейчас передо мной, эта поэма, и как сильно и современно звучат строфы о президенте США:

...и последнее войско
высылает он —
ядовитое войско идей.
Демократизмы,
гуманизмы — идут и идут
за нами измы.

Не успеешь разобратся,
что тебе нужно,
а уже
философий
голова заталужена.

Как будто прямо в адрес тех, кто боится о существовании идеологии, направлены эти строфы поэта. Разве не уподобились философии пытающиеся противиться нашим деятелям искусства, так же, как пытались сбить их с пути эстетсы в те времена, когда Маяковский писал свою поэму!

Тот, кто когда-нибудь слышал, как он читал свою поэму «Владимир Ильич Ленин», навсегда сохранит это воспоминание. И сейчас, перечитывая поэму о Ленине, я слышу проникнутое страстным убеждением и искренностью строфы так, как их произносил Маяковский:

Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин.

С каким волнением Маяковский ждал, как примут читатели эту поэму! «...Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы», — писал он в своих автобиографических записках.

Неутомимо и беспрестанно он ездил по стране, ездил и с сотен эстрад читал свои стихи, как поэт-агитатор. Он ездил за границу: в Париж, в Мексику, в Социальные Штаты, и каждая поездка была, что называется, урожаем: на страницах журналов, на газетных полосах поэт давал о ней стихотворный отчет. В Париже мне довелось несколько раз на протяжении месяца встречаться с Маяковским. Он был подлинным полководцем партийного, коммунистического стиха, он держал себя в самой сложной обстановке с гордостью и достоинством, и все, что было передового, прогрессивного в столице Франции, с глубоким уважением относилось к великому поэту революции.

Всем своим творчеством он отвергал возможность сосуществования марксистско-ленинской и буржуазной идеологии. Это глубоко осознаешь, перечитывая произведения Маяковского, особенно те,

которые обращены на Запад и за океан.

Поэзия Маяковского устремлена в счастливое будущее человечества, в коммунизм. Характерно, что один из последних моих разговоров с поэтом был о домах-коммунах, о грядущем новом быте, где не будет деления на «мое» и «наше».

Творческий, новаторский труд Маяковского всегда будет примером того, как должен работать поэт. Своими творениями он создал вдохновенный гимн партии, Советскому государству, народу, советскому человеку, которого изображал во всей его силе, светлом разуме и красоте.

Сейчас, когда несмысленны попытки что-то лепетать о разрыве между молодым и старшим поколениями, мы вспоминаем стихи Маяковского, его завет молодежи:

Мало
быть
восемнадцатилет,
Молодые — это те,
Кто бойцовым
рядом поределым
скажет
именем
всех детей.

«Мы
земную жизнь передаем!».

Стих Маяковского прорвал «громаду лет», как он говорил в своем последнем творении «Во весь голос».

Мы справедливо считаем и всегда будем считать поэта нашим современником. Он с нами, он «живой с живыми» в той борьбе за свободу и счастье людей, которую ведут народы Советского Союза, страны, где развивается ленинское знамя победившего социализма, которую ведут прогрессивные силы всего человечества.

Вот сообщение из Владивостока. Экипаж корабля «Вл. Маяковский» далеко в море отмечает 70-летие со дня рождения великого советского поэта. Прошли вечера, посвященные этой дате, литературные диспуты. Каждый концерт художественной самодеятельности начинается с чтения произведений Маяковского.

В красном уголке оформлены стенд и альбом о жизни и деятельности поэта. Интересен отдел «Писатели мира о Маяковском». В нем — фотографии Ж. Амаду, С. Неймана, певца Поля Робсона и других, их высказывания о Маяковском.

Море,
им в морду
выплесни шторм!

Капитализм верный трезор...

Я
от первых дней
войны эту проклял,
плонул рифмами в лицо войне.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

Рис. В. Черникова.

В. Маяковский
СЕГОДНЯ

У советских
собственная гордость:
на буржув
смотрю свысока.

Я
земной шар
чуть не весь
обожел...

ЭТО И ЕСТЬ БЕССМЕРТИЕ!

Владимиру Маяковскому сегодня исполняется семидесять лет. Для истории не существует сослагательного наклонения. Вопрос, «что было бы, если бы...» — это вопрос праздный, вредный для истории, посторонний, убавляющий прочь «плениной мысли раздрожение». Каким был бы Маяковский, дожили бы мы до семидесяти лет и, скажем, очутились на площади его имени — этого мы не знаем и не должны знать! Мы навсегда запомнили его живым и храним образ человека, еще не достигшего совершенства, а только расцвете сил — физических, духовных, творческих. Такой образ остался и для растущих сейчас поколений. Надо полагать, он достаточно ярок, чтобы шагнуть сквозь время и дальше — очень далеко!

По счастью, эта уверенность сегодня очень хорошо подтверждена. В Гослитиздате только что вышла замечательная книга «Маяковский в воспоминаниях современников». В ней больше семисот страниц. Среди авторов, участвующих в книге, мы находим имена матери поэта, Александры Алексеевны

Маяковской, К. Чуковского, В. Шкловского, А. Родченко, С. Третьякова, Л. Брик, Риты Райт, С. Эйзенштейна, В. Медведько, Н. Асеева, В. Саянова и еще многих других.

Скажу прямо и коротко: для меня выход этой книги — огромное событие! Я уже прочел ее один раз и буду читать еще и еще раз, не отрываясь, и каждый раз заново радуюсь тому, что она существует. Самое удивительное — в полном единении авторов воспоминаний. Ведь они, эти разные люди, никак не могли договориться между собой заранее. Такая одновременность исключается. Между тем образ великого поэта воскрес на этих страницах, сделанный из одного куса драгоценной человеческой породы, на удивление монолитный. Образ невероятной силы и красоты.

Родная мать вспоминает о сыне-подростке точно так же, как Асеев — о боевом друге. Любимая женщина — так же, как Медведько — о самом близком, участвующем в ней, как и другие.

Внутри книги не возникает спор, разногласий и разноречивых

П. Антокольский.

П. Антокольский.

П. Антокольский.

НАШ СПУТНИК

Я и мой сверстники принадлежим к поколению самого конца двадцатых годов. Нам не пришлось видеть живого Маяковского, мы не слышали его голоса. Понять поэта, полюбить его нас научила сама жизнь.

Наши горькие — холодные и голые — мальчишеские годы пришлось на суровую пору Великой Отечественной войны. Это тогда, после заводской смены, на пути от стылкой, нетопленной районной библиотеки в такую же уютную, затемненную вечернюю школу цепко привились к моей памяти строки:

...землю
которую
завоевал

и полуживую
бынчал,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,

где каплей
льешься с массами, —
с такою
землю
пойдешь

на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

А «Кем быть?». Как просто и вместе с тем беспредельно увлекающе раскрывает поэт перед молодым человеком множество дорог в нашу жизнь! От земных, будничных до небесных высот. Помните?

Мы, ребята, повторяли эти стихи, и они как бы укрепили нашу незримую связь с отцами и старшими братьями, сражавшимися на фронтах. Мы уже чувствовали себя их соратниками.

Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна
и масса звезд
совсем удалены.

Да, это еще тогда, вытаскивая на стареньких революционных станках болты и гайки, мы, уже «самостоятельные», чувствовали себя будущими звездоплавателями. Такова сила подлинной поэзии, прорывающей будущее.

А затем человечья зрелость, новые дела, новые трудовые свершения, новые радости и трудности. И снова «чувство плеча» моего неизменного доброго спутника и мудрого наставника в жизни. Помню, как в сердце звенели слова, когда я получал партийный билет:

...быть коммунистом —
значит дерзать,
думать,
хотеть,
сместь.

Скажите, кто и когда создал подобное по потрясающей силе и лаконизму партийно-поэтическое напутствие? И мы «смести», «думали» и «дерзали»...

Больше тридцати лет прошло с того дня, как поэт ушел от нас, но он жив, он сопутствует нам в нашем нелегком и радостном труде на стройке коммунизма. Трибун революции, поэт-ленинец, он как бы согласно вторит нашему высокому душевному настрою, тысячекратно усиливает его громадоголосное звучание:

Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.

Это говорит он, наш верный спутник, наш соратник в борьбе за коммунизм.

И. ЖУКОВ,
слесарь.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Москва.

Человек близкого будущего

Маяковский, вся его жизнь, вся его поэтическая судьба — в стихах, в диспутах, в спорах.

Вспоминая о поэте, его друзья, это относится почти ко всем, вероятно, и ко мне, — вспоминаю о себе, передавая, как разговаривал с ним Маяковский, что он им сказал доброго или злого и, таким образом, переходят к отрывкам автобиографии.

Маяковский был человеком необыкновенно собранным, он работал дома, на улице; он дорабатывал свои стихи до конца, с жадностью уничтожая очень часто черновики. От друзей он требовал организованной, четко направленной работы.

Негодование на прошлое, горечь воспоминания поэта близкими были горячими источниками лиризма новой его поэзии. Он объяснял это с трибуны, он говорил, что, склоняясь дома над плакатами или сидя за чайным столом.

Почти все его поэмы построены на преодолении времени, на смерти старого мира и на рождении нового уже без войн, эксплуатации и пошлости.

Маяковский был человеком будущего, он не хотел старой любви — адюльтера и семьи, в кото-

рой любовь заменяли штатной ноской. Он был против поэзии как воспоминания. Он был за новые связи человечества, за новые методы информации: за радио, за кино.

Вот что он писал про кино: «Для нас кино — зрелище. Для меня — почти мирозеркало. Кино — проводник движения. Кино — новатор литературы... Кино — спортсмен. Кино — рассветатель идей».